

Биполярные линии и многополярная динамика

(начало на 1-й стр.)

В своей первой формулировке, в начале 1950-х годов, теория *унитарного империализма* – единой империалистической мировой системы, в рамках которой противостояли друг другу два блока (США и СССР) – была недостаточна для выработки стратегии реконструкции революционной партии. “Ни Вашингтон, ни Москва” – лозунг группы, стоявшей у истоков нашей организации, всё ещё связанной с либертарным коммунизмом, – конечно, отходил от идеологии Ялты, осуждая СССР как государственный капитализм, а также свидетельствовал об интернационалистской оппозиции, но обнаруживал отсутствие всестороннего анализа множественных сил империализма, начиная с Европы.

Эта ограниченность, связанная с риском не увидеть течения империализма, способные повлиять на классовое движение, была вскоре преодолена путём анализа капиталистического развития в Азии и экономического восстановления Европы с обособлением интересов Франции, Германии и Великобритании от США. Ряд политических сражений на протяжении 1950–1960-х годов потребовал уточнения теории и анализа международных отношений. Так, Арриго Черветто в своём обобщении истории партии опять же в начале 1980-х гг. напишет: *«В 1950-е годы я рассматривал империализм как единый мировой механизм, конкретной формой которого было разделение на два блока. Я следил за неудачной попыткой создать третий блок в Бандунге вокруг Индии и Китая. Создание единого европейского рынка привело меня к определению “трёх блоков империализма”».*

Если в 1956 году Будапештское восстание, подавленное русскими танками, и Суэцкий кризис стали решающими годами теоретического пути Черветто, когда вызрели “Тезисы” 1957 года, в центре которых было предсказание длительного цикла мирового капиталистического развития, то 1968 год с вторжением в Прагу потребовал завершения теории *унитарного империализма*. Черветто напишет, что динамика того 1968 года, когда русские танки оказались на Вацлавской площади, а западные канцелярии не пошевелили и пальцем, ограничившись риторическим осуждением, *«позволила увидеть, как на практике работает механизм формирования, существования и равновесия блоков мирового империализма».*

Черветто также добавляет, что ему не составило труда *«исправить»* прежнее слишком абстрактное определение *унитарного империализма*. Остановимся на трёх основополагающих моментах этой критики линии и идеологии биполяризма, сопровождавшей ялтинский раздел. Во-первых, раскрывая сущность *«действительного раздела между СССР и США»* Черветто пишет: утверждение, что Вашингтон и Москва имели в Европе жизненно важное противоречие вплоть до риска войны, было *«идеологической абстракцией, а не результатом марксистского анализа».* США фактически поддержали захват Россией Восточной Европы, чтобы предотвратить европейское единство; утверждение, что Вашингтон и Москва находились на Старом континенте в состоянии обостряющегося столкновения, лишало революционное движение *«чёткого стратегического видения»*, поскольку оно заставляло забыть *«историческую, социальную, политическую реальность: европейский империализм».*

Во-вторых, балансирование между двумя блоками, призванное противостоять *третьему блоку* европейского империализма, было способно повлиять только на западную шахматную доску. Азия находилась за рамками этих биполярных отношений; как утверждал Черветто в 1976 г., подводя итоги американского поражения во Вьетнаме, *«четырёхполярная игра»* между США, СССР, Китаем и Японией была, если угодно, актуальна в Азии.

В-третьих, рекогносцировка империалистического противоборства в двух плоскостях – *неравномерном экономическом развитии*, в котором движется множественность сил, и *неравномерном политическом развитии*, включающем комбинацию этих сил в альянсы, разрывы альянсов и игру баланса, – требует марксистской теории, умеющей оценить как объективную многополярную экономическую динамику полюсов силы империализма, так и конкретную политическую динамику государств в глобальном балансе. С эффективностью такого стратегического анализа связана классовая автономия революционного меньшинства, которое в противном случае обречено на заблуждение, влияние сил и динамики империализма, с которыми оно не сможет бороться, не распознав их.

Ряд международных саммитов этого лета продемонстрировал биполярные линии и многополярную динамику в действии. В Кэмп-Дэвиде США, Япония и Южная Корея санкционировали беспрецедентный союз, который сходится в тактике так называемых «минилатеральных» соглашений, с помощью которых Вашингтон намерен обуздать Пекин в Азии: пакт AUKUS между Австралией, Великобританией и США; Quad между США, Японией, Австралией и Индией; недавние соглашения, имеющие различную стратегическую интенсивность, между США и Филиппинами и между США и Вьетнамом. Эта сеть соглашений, представляющая собой перевод линии *азиатского поворота* Курта Кэмпбелла, также приветствуется в Вашингтоне течениями, выступающими за биполярную конфронтацию с Пекином. Напротив, саммиты БРИКС, АСЕАН и G20 продемонстрировали многополярный характер противостояния, движение множества крупных и средних держав, конкуренцию между старыми державами и Китаем за влияние на новых международных игроков, за которыми закрепилось определение *Глобального Юга*.

К новой диалектике между *биполярностью* и *многополярностью*, отмеченной соперничеством между США и Китаем, необходимо добавить и применить те критерии, которые мы взяли из нашей прошлой марксистской критики линий и идеологий биполярности, когда знаком была мнимая *холодная война* между США и СССР.

Во-первых, линии и идеологии нового противостояния «*двух блоков*» сегодня обозначают Китай как стратегического противника Запада, но при этом опять же неверно понимается роль европейского империализма с его политикой и направлениями влияния. Осознание этого крайне важно. Уже в сражении в автопроме, направленном не только против Китая, но и против США, уже просматриваются протекционистские черты; то же самое можно сказать о предложениях по мобилизации налогов и федерального долга на нужды *европейской обороны* и *энергетического перехода* или об охранительных мифологиях *Европы-крепости* перед лицом миграционной коллизии. Новое социал-империалистическое влияние на наш класс будет окрашено в европеизм.

Во-вторых, рамки многополярной динамики должны быть обновлены в соответствии с условиями *новой стратегической фазы*. Уже несколько лет назад оценка «*четырёхполярной игры*» в Азии требовала пересмотра в сторону «*пятипольной игры*» из-за растущей роли Индии; сегодня азиатское противостояние демонстрирует новый вес Индонезии и регионализма, выраженного через АСЕАН и тихой сапой поддерживаемого Японией.

В-третьих, конкретная динамика системы государств в *кризисе порядка* становится всё более сложной и более горячей; в условиях атлантического упадка и азиатского восхождения усиливается конкуренция между *крупными державами* и возможность действий со стороны *средних*. Также растёт возможность *стратегической неожиданности*, в основе которой новые альянсы, разрывы альянсов, развороты фронтов, которые сами по себе непредсказуемы. Посмотрите, как война на Украине разрушила, по крайней мере, на целую политическую фазу, перспективы германской и европейской *Ostpolitik*. Обратите внимание на взаимодействие угроз и сдерживания вокруг Тайваня и маршрутов в Южно-Китайском море. Подумайте о потенциале присоединения ключевых стран Персидского залива к БРИКС, а также, с другой стороны, о вентилируемой возможности военного сближения США, Израиля и Саудовской Аравии, уравнивающего растущее влияние Китая в регионе. Или влияние, которое окажет окончательное соглашение между Европейским союзом и МЕРКОСУР благодаря многосторонней направленности, которая будет противостоять тенденциям к фрагментации. Или об исходе президентских выборов в США, где возвращение Дональда Трампа может вновь вызвать конвульсии американского упадка, которые Джо Байден на данный момент, казалось, подавил.

Некоторые публикации выделяются тем, как они ухватываются за связь между биполярными линиями и многополярной динамикой. Андрей Кортунов, ставший научным руководителем РСМД в Москве, обращается к индийским собеседникам из Центра стратегических исследований NatStrat. Он пишет, что мир развивается «*в направлении формирования новой геополитической, экономической и технологической биполярности*», хотя медленно и неохотно. Это не соответствует ожиданиям Москвы и Нью-Дели в начале века, «*но игнорировать эту тенденцию нельзя*». Год за годом Россия продвигается всё дальше на Восток, «*укрепляя и развивая многочисленные связи с Китаем*». Год за годом Индия продвигается на Запад, «*расширяя различные формы сотрудничества с США*». Эта

тенденция чревата рисками. В среднесрочной перспективе Индия и Россия могут оказаться в противоборствующих блоках, идея «единого евразийского пространства» сойдёт на нет, а поддерживать двустороннее сотрудничество станет всё труднее. Россия и Индия, как мы полагаем, окажутся подмяты соответственно Китаем и США.

По мнению Кортунова, ни у Москвы, ни у Нью-Дели нет ни ресурсов, ни возможностей «радикально переломить» эту «неблагоприятную и опасную» тенденцию, однако они не должны мириться с ролью пассивных зрителей наступающей эпохи «жесткой глобальной биполярности». В их интересах противостоять «формирующейся биполярности»: как и многие другие державы мира – «в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке и в Латинской Америке», – они многое потеряют, если будут вынуждены занять чью-либо сторону в нарастающем конфликте между Вашингтоном и Пекином.

Кортунов видит в единстве евразийского пространства единственную гарантию от распада мирового баланса на два блока, но американские биполярные течения как раз и стремятся предотвратить перспективу Евразии, контролируемой враждебной коалицией. Нил Фергюсон со страниц *Bloomberg* рассказывает о своих контактах с высокопоставленными чиновниками в Европе. Он с сомнением относится к оптимистическим версиям Вашингтона, согласно которым американское лидерство обеспечивается за счёт союзов в «rimland», морском кольце от Атлантики до Тихого океана, в противовес «heartland», сухопутному ядру Евразии. Такова мантра Уолтера Рассела Мида в *Wall Street Journal*, что требует, однако, масштабного перевооружения Америки. По мнению Фергюсона, напротив, американские альянсы более хрупки и демонстрируют признаки распада; многие европейцы считают, что они оказались «втянуты в новую холодную войну между двумя сверхдержавами»: они признают, что часть ответственности лежит на Китае, «но считают Соединённые Штаты в равной степени ответственными».

Два немецких комментария показывают, как этот вопрос пересекается с дебатами в Германии. Йорг Лау, редактор отдела внешней политики *Die Zeit*, критикует доктрину безопасности, выдвинутую правительством Олафа Шольца, в выходящем раз в два месяца журнале DGAP, исследовательского центра с наиболее атлантистским уклоном. В доктрине безопасности положительно оценивается эпоха «растущей многополярности», но, с точки зрения Лау, «многополярный мировой порядок» – это антизападный проект, движимый Китаем и Россией против либеральных ценностей. Штефан Майр, директор SWP, более близкого к европейской и евроатлантической дозировке немецкой исполнительной власти, отмечает, что в линии Шольца «многополярность» воспринимается как свершившийся факт, а «идея биполярности» в этих условиях встречает явный отпор. «Инклюзивная многополярность», утверждается в докладе SWP, должна быть предложена новым державам, которые считают подорванной легитимность международного порядка, более не отражающего новые глобальные балансы.

В Европе вновь разворачивается противостояние по поводу политической и институциональной централизации Союза. Стратегическая ставка делается именно на способность ЕС к автономным действиям между биполярной линией, прокладываемой Соединёнными Штатами, и многополярной динамикой глобального баланса. Учитывая вес трансатлантической связи, неизбежно, что этот вопрос наполняет и даже разделяет дебаты на Старом континенте.

Сентябрь 2023 г.